

VILLA ORIENT



ЗОВ СЕРДЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Villa Orient

Зов сердца

<https://litres.ru/64353356>

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-97993-2

Аннотация

Можно подумать, что у нас талант ввязываться в истории. Политические интриги и расследования знаем, похищения умеем, побеги практикуем и вообще находим приключения на ровном месте. Но с таким прошлым как у нас, нигде не спрятаться. Нас двое, и вместе мы - сила. Настоящая криминальная романтика. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Villa Orient

Зов сердца

Глава 1

Я помню, как в тот день возвращался домой после купания в море, поднимаясь к нашему дому по петляющей тропинке вдоль деревьев и кустарников, и чувствовал себя счастливым и спокойным. Была ранняя весна, когда кажется, что сейчас не середина марта, а май в самом разгаре, и лишь прозрачная прохлада с моря напоминает о том, что зима только что закончилась. Дожди и ветер резко прекратились, как будто их и не было никогда. Это ассоциации с российской погодой дают такие странные впечатления, когда весна на Кипре воспринимается как лето в России.

Но даже для Кипра погода в этом году стояла аномально тёплая. Весенняя жара пришла удивительно рано – оливки начали цвести раньше времени, и жасмин распространял сладковатый аромат. Птицы уже всю образовали пары и свили гнёзда, а в небе перелётные стаи возвращались в родные края после зимовки. В этих краях было много птиц, и я даже успел полюбить их общество. Я радовался, наблюдая, как они обосновывались рядом с нашим домом. Мне было особенно приятно следить, как природа оживает в этом ме-

сте, зная, что это моя земля, которая принадлежит мне и моей семье, а все эти птицы, облюбовавшие эту местность, мои домочадцы.

Сейчас я понимаю, что тогда я был абсолютно счастлив, потому что у меня было всё, о чём я только мог мечтать. Сразу после окончания всех дел в России я купил виллу «Синее море» и подарил её на свадьбу Ольге. Раньше она получала доход от аренды этого места, но теперь дом и земля, на котором он стоит, принадлежат ей. И здесь мы живём уже пять лет.

Нашему сыну – Марку – только исполнилось полтора года. Он растёт активным, умным мальчиком, здоровым, как бычок, и забавным, как щенок. Даже такая беспокойная мамочка, как Ольга, которая к тому же ещё и врач, не находит у него патологий развития.

Мне нравилось делать что-то своими руками. Когда можно было пригласить мастера, я старался сначала сделать работу сам. Я научился прорежать деревья и кустарники, чтобы тропа к морю не зарастала, чинить кованую ограду и замки в воротах, восстанавливать насос для фонтана во дворе перед домом. Раньше всё у меня было временным – бизнес, дом, люди. И я без сожаления всё это оставил. Но здесь я наконец-то понял, что бросил якорь в тихой гавани, и рядом со мной только те, с кем я проведу жизнь. И я не хочу оставлять это место. Не хочу терять ничего из того, что есть у меня сейчас.

На моём столе лежала корреспонденция, но я не хотел в этот момент просматривать счета и читать письма. Мне казалось это странным, но здесь любили рассылать бумажные письма, запакованные в конверты с марками, потому что здесь есть государственная поддержка почты Кипра. Работает ещё хуже почты России, но здесь это никого не беспокоит.

Я принимал душ, пока Ольга раскладывала вещи в шкаф после стирки и фоном рассказывала о последних событиях. В общем-то она неразговорчивая, но иногда, как сегодня, вдруг говорила о разном. У Марка прорезался зубик, и поэтому он капризничает и отказывается спать, но она достала новую мазь с анестетиком, которую, кстати, можно использовать для амбулаторных операций, и она отлично должна помочь малышу. А потом она неожиданно рассказывала о соседях, к которым на каникулы приехал внук. Он заходил поздороваться, пока я был на море. Они тоже русские. А ещё калитка опять скрипит, и она, конечно, высокого мнения о моих талантах в области мелкого ремонта, но было бы не лишним пригласить специально обученного человека.

Этот мягкий спокойный голос и совершенно обычный разговор был мне гораздо приятнее, чем важные обсуждения насущных вопросов на сходках. В последнее время мои решения были простыми и понятными и не стоили никому жизни. А часто мне совсем ничего не нужно было решать, как сейчас, и это прекрасно. Только теперь я понял, как был измотан постоянным напряжением от того, что мне постоян-

но нужно было что-то разруливать.

Последние годы я так глубоко погрузился в обыденную спокойную семейную жизнь и тихий вялотекущий бизнес, что совсем перестал думать о событиях, которые остро стояли раньше и требовали немедленного решения. Теперь я думал о том, что нужно подстричь ещё пару кустарников, пока они окончательно не заросли этой ранней весной, но они могут подождать до следующей недели. Мог ли я раньше отложить дела на неделю? Я фыркнул про себя, потому что в моей прошлой жизни промедление в один час могло стоить кому-нибудь жизни.

Но я не могу сказать, что потерял хватку. Я по-прежнему тренируюсь пять дней в неделю, хожу в тир и тихо отмываю чужие незаконно заработанные деньги. Но тут целая страна этим занимается. Масштаб моих тёмных дел теперь уже не такой, как раньше, но я всё ещё поддерживаю себя в форме.

Я вышел из ванной, обматывая себя полотенцем ниже пояса. Ольга теперь рассказывала про птиц, которые выют гнёзда раньше времени, не заботясь о том, что неожиданно может похолодать, но здесь ведь всё равно не бывает минусовой температуры, так что не замёрзнут. Я иногда поражаюсь, насколько одинаково мы с ней думаем.

Она складывала стопкой чистое бельё, сама одетая в футболку, которая доходила ей до середины попы и очаровательно задиралась, когда она наклонялась, открывая круглые полушария. Я часто смотрел на неё и не чувствовал тех лет,

что мы с ней были в разлуке. Я как будто ещё вчера впервые раскладывал её на кровати в спальне в отцовской квартире, сажал её на тумбочку в коридоре, потому что мы уже не в состоянии были никуда идти, или брал её у себя в клубе на кожаном диване. И только сегодня утром мы занимались любовью на веранде с видом на море, когда Оля наконец согласилась принять меня. А ведь с тех пор прошло от шестнадцати до пяти лет.

Мы всегда запоминаем события, которые были на пике, которые вызывали страх, боль, отчаяние. У нас всё это было, именно поэтому я сейчас такой счастливый. Ольга для меня совсем не изменилась.

Я подошёл к ней и обнял со спины, прижимая тёплое любимое тело. Она дёрнулась и весело засмеялась, потому что капли прохладной воды после душа капнули ей на плечи.

– Дэн, ты же мокрый!

Она пытается выкрутиться, но я не разжимаю объятий, и она сейчас должна чувствовать мой твёрдый член, который упирается ей в спину. Она прижимается ко мне сама, откидываясь на грудь, и я разворачиваю её к себе. Она ниже меня почти на полторы головы, поэтому ей приходится запрокидывать головку, чтобы заглянуть мне в глаза, когда мы стоим так близко. Её глаза горят, и я чуть надавливаю ей на спину, чтобы она была ещё ближе.

Она кладёт ладошки на мою грудь и медленно проводит ими по рельефу. Теперь она должна чувствовать мой стояк

низом живота, поэтому она старается дышать глубже. Наша близость, моё желание, наши руки заставляют её возбудиться. Она всегда очень остро реагирует на мою инициативу. Она прикрывает глаза от удовольствия и тепла, которое сейчас растекается по её телу, и открывает губы. И тогда я её целую, горячо и глубоко просовывая язык. Наш поцелуй постепенно становится безумным, мы лижем друг друга, сталкиваемся языками, соревнуемся, кто достанет глубже или заденет чувствительную точку, как будто никогда раньше не целовались.

Ольга такая расслабленная, мягкая и нежная в моих руках. Я просовываю руки под футболку и сжимаю её грудь, и она стонет мне прямо в рот. Она откидывает голову, и я целую тонкую шею, провожу языком по синей венке, которая сейчас бьётся часто и неровно, а Ольга теперь держится за мои плечи, чтобы не упасть.

Я подталкиваю её к кровати, и она смотрит на меня горящими глазами. Я стаскиваю с себя полотенце и снова опускаюсь на её шею с поцелуями, закусываю плечо, так чтобы следов нашей страсти не было видно под одеждой. Я снимаю с неё футболку, под которой нет белья, но оно ей и не нужно, у моей Оли потрясающе красивая грудь – большая, упругая, с розовыми сосками, которые я сейчас сладко посасываю, вырывая из её горла протяжные стоны.

Я спускаюсь языком по животу, задерживаясь на впадине пупка, и Оля запускает мягкие пальчики мне в волосы, чуть

направляя. Я стягиваю с неё трусики. Мой член уже давно стоит колом, в яйцах напряжение, которое пускает электрические разряды по нервам, но я не тороплюсь, смакую каждое мгновение. У меня каждый раз сносит крышу от единения наших тел и душ.

Оля сама раздвигает стройные ножки, и я раздвигаю нежные губки, проверяя их влажность и чувствительность, касаюсь нежного бугорка, слегка надавливаю несколько раз. Я уже знаю, что она достаточно готова, поэтому без лишних церемоний загоняю член в мокрую дырочку по самые яйца и сразу начинаю двигаться. Оля крепко держится за мои плечи и обхватывает мои бёдра крепкими ножками.

Я знаю, когда Оля хочет нежности и аккуратных размеренных движений, но сейчас ей нужно то, что и мне – бешеной долбёжки мощным членом, когда мои яйца ударяются со шлёпающими звуками. С каждым толчком я стараюсь потереться лобком о клитор. Оля совсем мокрая, громко стонет, выгибается подо мной, выглядит просто прекрасно. Ещё немного трения в нужном темпе, и она пульсирует, крепко сжимая меня тугим кольцом, и кричит от удовольствия. Я продлеваю её удовольствие крепкими толчками, но сам не могу долго держаться и кончаю за ней следом.

– Теперь ты тоже мокрая.

Мне нравится лежать на ней кожа к коже, когда она такая жаркая, влажная и пахнущая удовольствием, но я для неё слишком тяжёлый, поэтому я наконец перекатываюсь на

спину и ложусь рядом. Я смотрю на неё, и она сейчас такая умиротворённая. Ради счастья этой женщины я готов сделать всё, что угодно. Но внезапно на неё находит тень. Она опять становится очень серьёзной.

– Что-то не так, Оля?

– Всё хорошо. Даже слишком. Так ведь не может продолжаться вечно. Мне иногда становится очень страшно от того, как мы счастливы.

– Ну перестань, Оленька, – я усмехнулся. – Что сейчас может случиться? Максимум колесо спустит на дороге на скорости 40 километров в час. Я не понимаю, как можно бояться счастья?

Оля тоже начинает улыбаться.

– Знаешь, что греки называли «эйдос»?

– Без понятия.

– Это чувство, когда нужно затаиться и двигаться очень осторожно, на цыпочках, чтобы не спугнуть счастье, которое подарили богини судьбы – Мойры.

– Хорошо, мы будем ходить на цыпочках, если тебе так будет спокойнее за наше счастье.

Я быстро согласился, потому что здесь не о чем спорить. На самом деле, я отлично понимаю Олин страх. Она очень сильная женщина и многое выдержала в одиночку, потому она знает цену счастья и боится всё потерять. Но я рядом с ней именно для того, чтобы ничего плохого не случилось. Я целую её и понимаю, что не хочу вылезать из постели, но

Оля всё-таки отстраняется.

– Сколько сейчас времени?

– Наверное, что-то около шести.

– Дуглас обещал прийти в шесть на ужин.

– Тебе не кажется, что он слишком часто приходит в гости?

– Вы же с ним хорошо общаетесь. Он интересный собеседник, разве нет, Дэн?

– Почему-то мне кажется, что он приходит не для того, чтобы со мной поговорить.

– Для всего остального мы с ним видимся на работе.

– Это-то меня и пугает. Я даже ревную.

– Я тебя тоже ревную к твоей секретарше с сиськами шестого размера.

– Оля, ей лет сорок! И вообще, ты как-то предлагала мне стать учёным и взять молоденьких практиканток.

– Я тогда не думала, что ты выживешь. А вообще, возраст не имеет значения, когда женщина хорошо выглядит. Возраст – это ведь всего лишь цифра в паспорте. Я в душ.

– Ты, как всегда, права, особенно когда у нас с тобой поддельные паспорта, – я игриво шлёпаю Олю по круглой попке, и она смеётся.

Глава 2

Когда мы спускались вниз, Дуглас уже пришёл. Элла, няня Марка, впустила его в дом. У Ольги есть частный хирургический кабинет, и Дуглас работает с ней анестезиологом и реаниматологом. Чаще всего они удаляют бородавки и лечат растяжения после неудачной пробежки, но Оле нужна эта работа, она не может жить без любимого дела и постоянно развивается, обновляя свои навыки. Я вообще не представляю, для чего ей нужен реаниматолог.

Дуглас – типичный ирландец, именно такой, каким описывают их нацию. Он высокий, рыжий, немного веснушек рассыпано по носу и щекам на белоснежной коже, пьёт пиво литрами, запивая его скотчем, и отплясывает джигу. Он много путешествовал и даже забыл о своём происхождении, осев на Кипре, и его совсем не тянет на Родину.

Он начинал практику судовым врачом на международных рейсах, потом недолго практиковал в ЮАР, но, насколько я понял, там он задержался только потому, что хотел заработать на алмазах, а потом спешно рвал когти в Уганду, чтобы продать хоть что-то из заработанного непосильным трудом. Параллельно он изучал тропические болезни, делал прививки и в итоге неплохо заработал на эпидемии Эболы. Как только жив остался... Следующие пять лет он путешествовал по Азии, изучая традиционную медицину. И только по-

сле этого решил осесть где-нибудь, где говорят на английском. Кипр ему подошёл. Как раз в это время мы тоже решили остаться здесь.

Теперь меня зовут Дэннис Дитрих, а Ольга – Хельга Дитрих. По легенде мы немцы еврейского происхождения. Этим объясняется наша скрытность и нехилые доходы, а также странный акцент. Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Я по-настоящему ревновал Ольгу к этому рыжему, жизнерадостному и разносторонне развитому парню, поэтому он частенько ошивался у нас дома, а я следил, не появились ли тревожные звоночки связи моей очаровательной жены и этого хмыря – не зажимает ли он её по тёмным углам и не шарит ли у неё под юбкой. А юбки Оля любила, разной длины и фасона, и все они ей очень шли. На самом деле юбки – очень удобная вещь в женском гардеробе, потому что её не нужно снимать, достаточно приподнять и приспустить или отодвинуть трусики.

Дуглас был отличным врачом, глубоко погружался в профессию, с огромным опытом и эмпатией к пациентам, это была ещё одна веская причина, почему Ольга с ним работала, а я не мешал. Видимо, Дуглас немало накопил на алмазных копях, потому что жил он на широкую ногу и ни в чём себе не отказывал. Он жил на слишком большой вилле для одинокого человека недалеко от нас.

Определённо, с ним было о чём пообщаться – о политике, о финансах, об истории, о флоре и фауне, о новейших ме-

тодах в области анестезии и о женщинах, конечно. Я не понимал, почему он до сих пор не женат. У него неплохой сговорчивый характер, лёгкий и настойчивый, когда надо. Это нравится женщинам, особенно вкупе с обеспеченностью. Но он тщательно скрывал свою личную жизнь. Хотя скрывать на острове было особенно сложно. О его связях с многочисленными женщинами ходили легенды по всей округе. Но женщины всё равно методично оказывались в его постели, даже если и всего на одну ночь. О его мужской силе и длине рассказывали сказки. Сарафанное радио везде работает одинаково.

В тот вечер мы сидели в гостиной, и Дуглас укоризненно посмотрел на корешок книги, которую я читал. Мы уже прилично приняли на грудь горячительных напитков и теперь с лёгким сердцем несли ахинею.

– Как ты можешь читать такую банальщину, Дэн?

– Это всё потому, что ты не пишешь. Вот если бы взялся за перо, ну или сел бы за компьютер, то я бы не читал этот ширпотреб.

– А это мысль. Знаешь, как бы я начал искать идею?

– Ну?

– Я бы взял совершенно несовместимые между собой явления, потом связал бы их. К примеру, розовый песок, который работает как порох, серебряные шпили средневекового города, страну, где янтарь ценится не меньше, чем бриллианты. А читатели, которые начинают читать моё произведе-

ние, ничего не подозревают о связи. Им интересно, их это захватывает и держит в напряжении. Они впечатляются сюжетом, не зная, что автор сначала придумал развязку, а потом подогнал под него события.

– Даг, ты сейчас просто снял камень с моей души. Я больше не испытываю чувства вины, потому что трачу своё драгоценное время на бульварное чтиво.

– Но знаешь, какие истории самые интересные, Дэн? Те, что происходят в нашей жизни. Редко кто способен в самых обычных событиях увидеть хитросплетения судьбы.

Я хмыкнул, а Дуглас продолжил:

– Вы, ребята, кстати, самые адекватные люди, которых я когда-либо встречал, поэтому с вами я могу обсудить сложные темы. Вы заметили, что сейчас нет войны, время вполне мирное, никаких серьёзных потрясений, и при этом каждый второй психически нездоров и шастает к психотерапевтам?

Мы с Олей переглянулись, потому что мы как раз те самые нездоровые личности, но путь к психотерапевтам нам заказан. Мы никому не сможем рассказать обо всём, что с нами случилось.

– У людей сейчас вроде бы нет никаких вызовов, можно не выходить из зоны комфорта, не нужно искать пропитание и бороться за существование. Люди просто не готовы к быстро меняющимся условиям. Ещё 20 лет назад информация полностью обновлялась каждые пять лет, а сейчас каждые два года! Вот с чем люди не справляются! Ты ещё пару лет назад

думал, что Interceptor – классное изобретение, которое быстро очистит океан от мусора, а сейчас это почти бесполезная штука, на которую потратили 2 лярда долларов, а используют локально для мелких речушек в Азии. И так практически со всем нам известным. Сегодня ничему нельзя верить. Каждый факт нужно подвергать сомнению и постоянно быть в курсе изменений. Как в таких условиях творить классику? Ведь то, что будет написано сегодня, утратит актуальность уже через пару лет. Можно, конечно, писать о людях и характерах, но элитарная проза мало кому интересна, да и всё о людях уже написано до нас.

– Даг, ты серьёзно собираешься писать и поэтому так переживаешь?

– Нет, я просто перебрал, и меня понесло.

– Но это очень интересно. Давай я тебе добавлю, и продолжи, – я плеснул горячительной жидкости Дугласу, чтобы он говорил дальше.

– Я недавно столкнулся с новым методом воздействия на психику человека. Под гипнозом изменяется механизм человеческого мышления, и человек становится совсем другой личностью. НЛП. Игра на подсознании. Я видел один очень интересный пример... – Дуглас внезапно осёкся. – Я хочу сказать, что теперь каждый врач должен быть психологом. Я видел войну, настоящие боевые действия в Африке. Я диагностировал посттравматический синдром, но примерно то же самое я вижу у людей, которые никогда не были на войне.

И у них наблюдаются даже более серьёзные отклонения. Таковую личность расшатать проще простого. Подсознание само рвётся наружу и нивелирует сознание. И это в мирное время.

– Все мы на своей собственной войне, Даг, про которую другие ничего не знают, – Оля всегда с пониманием относилась к чужим «тараканам», культивируя свои собственные.

– Тут ты права, очень права, Хельга. Ну, уже поздно, ребята. Спасибо за ужин и интересную беседу, а я, пожалуй, пойду.

Он поднялся на неверных ногах, пару раз качнулся из стороны в сторону, ловя равновесие, весело рассмеялся сам себе и побрёл к входной двери. Странный малый, непосредственный и открытый, но какое-то двойное дно у него всё равно есть. Ольга считает, что у меня паранойя, но я называю это разумными сомнениями.

Ольга проводила прилично подвыпившего Дугласа до двери и тоже ушла спать. А я почему-то никак не мог успокоиться и пошёл разбирать бумажную почту. После разговора с Дугласом я испытывал странное беспокойство, как будто он сказал что-то очень важное, а я не понял прозрачного намёка. Со счетами проблем не было, рекламные буклеты радовали глаз яркими красками, и тут мне попался конверт от некой «Икс Холдинг» с письмом внутри.

Господин Дитрих,

У нашей компании есть для вас предложение. В ближайшее время наш представитель свяжется с вами для очной

встречи. Надеемся на взаимовыгодное сотрудничество и ваше благоразумие.

Это ещё что такое? Какое нахер благоразумие? Очень похоже на предупреждение. Теперь тревожное настроение накрыло и меня. Был ли я достаточно благоразумен последнее время? Не переходил ли кому-нибудь дорогу? Имею ли я право быть сейчас счастливым и спокойным?

Да, я последнее время никому не мешал. Но моё прошлое было более чем беспокойным. Я надёжно спрятал концы, оставаясь для всех моих бывших знакомых мёртвым, кроме особого контакта. А для Ольги мы замечали следы так, как будто она осела в Штатах. Я оставил наследство всем и каждому, чтобы никто не остался недовольным после моего исчезновения. Достаточно ли этого, чтобы прошлое ко мне не возвращалось?

Я вспомнил слова Ольги про эйдос и цыпочки и решил, что судьбу я тоже не гневил в последнее время. Я достаточно всем заплатил, чтобы меня не трогали, и я буду отстаивать своё право на спокойную жизнь. И тем не менее анализ косвенных признаков очень походил на то, что в нашей тихой гавани намечается шторм. Знать бы ещё, какой он силы.

Глава 3

У Ольги зазвонил будильник. Она приподнялась на локтях, потирая глаза.

– Марк проснулся?

– Нет, радионяня молчит.

– Тогда почему ты не спишь, Дэн?

Я сидел на кровати, всю ночь прокручивая варианты безболезненного выхода из ситуации.

– Оля, если я попрошу тебя взять Марка и уехать в безопасное место, что ты скажешь?

– Дэн, что случилось?

– Я получил предупреждение. Пока ничего серьёзного, но я не хочу рисковать.

– Что за предупреждение?

– Не знаю, Оля.

– Дэн, у меня сегодня две операции и пять консультаций. Ехать нужно сейчас?

Я потёр лоб.

– Нет, работай сегодня как обычно. К вечеру будет маршрут. Планируй на завтра и дальше. Никому ни слова, особенно Дагу.

– Ты думаешь, он?.. – Оля запнулась.

– Я этого не знаю наверняка.

– А ты?

– Пока придётся справляться одной. Я приеду позже или пришлю кого-нибудь тебе в помощь.

– Я не хочу... – Она осеклась и замолчала.

– Я знаю, Оля.

Знаю, что она не хочет в одиночку это проходить. Никто из нас не хочет этого.

Оля не жаловалась, не говорила лишнего, не устраивала истерик. Хотела сказать, что ей будет тяжело, но подумала, что по-другому нельзя, и мне будет не легче. Она понимает меня, а я понимаю её. Для всего мира мы эгоисты, но только не друг для друга.

Оля смотрела на меня внимательно, считывая каждую эмоцию, пытаюсь понять, насколько всё плохо. Она меня хорошо знала и понимала. И она не задавала лишних вопросов. Просто обняла меня и прижалась покрепче.

– Оля, я постараюсь всё решить. Ты же мне веришь?

– Да, Дэн. Боже, конечно, я тебе верю, просто мне страшно.

– Мы обойдём эту проблему на цыпочках.

– Хорошо, – Оля хмыкнула.

После московского смога и пыли круглый год я не сразу начал ощущать другие запахи. Кипр был очень ароматным. Здесь пахло жасмином, цитрусовыми, оливками, вином, приготовленным мясом, морем. Свежий воздух был повсюду, проникая в распахнутые окна. Утром у нас дома вкус-

но пахло завтраком. Элла приходила рано, и в её обязанности входило приготовление еды, но Ольга частенько готовила с утра сама. Но не сегодня. Сегодня Ольга зависла над чашкой кофе и смотрела вдаль, её взгляд был отсутствующим и погруженным в себя.

Марк чувствовал настроение матери и вёл себя тихо. Временами мне казалось, что он даже слишком смыслённый для своего возраста, но у нас с Олей отличные гены, поэтому в этом нет ничего сверхъестественного. Элла неспешно хлопотала на кухне, стараясь не шуметь. Я смотрел из-за угла на эту картину и впервые за долгое время понял, что опять не чувствую приятного аромата, его забивал запах неопределённости. Наш покой был нарушен. И та моя личность, которую я старательно прятал, приходила в ярость от одной только мысли, что лицо моей Оли опять омрачено.

Я перечитал письмо с утра ещё раз, думая, что вчера ночью я просто был пьян и расстроен странным разговором с Дугласом, поэтому мог придумать лишнее. Но сегодня с утра на свежую голову я думал точно так же, и сомнения меня не покинули. Я вошёл на кухню.

Марк заметно повеселел и потянул ко мне ручки. Я взял малыша и поднял его над головой, вызывая радостный визг.

– Оля, ты сегодня не будешь задерживаться на работе?

– Не планирую.

– Хорошо, я к шести тоже буду дома.

Обычный разговор, если не знать о скрытом смысле во-

просов. Оля опять внимательно на меня посмотрела, потом всё-таки допила кофе и подошла ко мне. Я обнял её одной рукой, второй держа Марку. Это мои самые близкие и дорогие люди, и ради них я должен сделать всё в лучшем виде.

Оля уехала, и я тоже отправился на работу. Сегодня нужно посмотреть объект. Строительство теперь шло вяло. Кризис бил по всем отраслям, но деньги по-прежнему лились нескончаемым потоком. А я из любого, даже самого загрязнённого потока, мог сделать чистую лечебную воду.

Глава 4

Дела шли своим чередом, строительство продвигалось, стены крепко стояли на фундаменте, а на голову в каске ничего не упало. Стены покрасили и даже светодиодное освещение повесили. Это первый объект, который я начал строить ещё пять лет назад. Прораб показал мне фотографии пятилетней давности, где только фундамент заложили, и я неожиданно понял, что для меня это было как вчера. Моя спокойная жизнь пролетела как один день.

Никто не связался со мной за целый день, никаких других подозрительных писем и сообщений не пришло. Я даже ещё раз проверил информацию об «Икс Холдинг». Такая компания существовала.

В последнее время корпоративный мир захлестнула волна объединений, слияний и поглощений. Объединяются все: автомобилестроители, связисты, энергетики, компьютерщики, финансисты. Все теряют позиции, рынки, клиентов, поставщиков, а вместе у них повышаются шансы на прибыль. «Икс Холдинг» последовательно присоединил и получил контроль над десятком компаний. Основная цель такого холдинга – завоевание новых секторов рынка. И это ему удалось. Сейчас холдинг занимал пятое место в мире по объёмам производства и продаж.

Какое предложение мне могла сделать такая крупная ком-

пания и ради какого взаимовыгодного сотрудничества?

Время близилось к вечеру, и я поехал домой. Я уходил так, как будто никогда сюда не вернусь. Теперь неизвестно, как дела пойдут дальше и где придётся оказаться. Следы после меня должны быть чистыми. С одной стороны, нельзя вызывать подозрений, с другой – всё должно быть готово к экстренному отходу. Удивительно, как бывшие навыки, которые я тщательно хоронил на дне подсознания, всплывали сейчас так, как будто и не было никакого перерыва в тихой гавани.

Я загнал машину в гараж, но Олиной машины не было ни там, ни на подъездной дороге. Я ускорил шаг, заходя в дом. Элла с Марком играли в гостиной.

– Привет, Элла. Хельга ещё не приехала?

– Нет.

Я достал телефон и сразу сел за компьютер. Гудки шли, но ответа не было. Трекинг показывал, что телефон на дороге между городом и нашим домом, но он не двигался. Я судорожно вспоминал, что там есть, и понял, что как раз на этом участке нет камер. Я опять сел в машину и поехал, но чутьё подсказывало мне, что уже поздно, очень поздно. Я потерял хватку и упустил возможность.

Я методично обыскал местность на обочине с обеих сторон, нашёл чуть прикопанный телефон. Те, кто забрали Олю, не очень-то позаботились, чтобы спрятать его, специально оставили почти на самом видном месте. Это значит, что Оля

жива. Её забрали, оставив мне предупреждение, но, по крайней мере, это не труп.

Ужас больно колот сердце. Я опять был в ситуации, когда моя любимая подвергалась опасности, но теперь я даже не знал, кто мне угрожает. В прошлый раз всё было по-другому. Я был другим. Мы были другими. Подготовленными, закалёнными, жестокими, готовыми бороться. Я хорошо изучил Зверя, знал его методы и убежища. Мог его выследить, но текущий противник был мне неизвестен. От этого становилось особенно страшно.

Женщин не похищают просто так. Это изощрённый способ воздействия. Через насилие над женщиной могут причинить самую сильную боль и получить самый нужный результат. С детьми ещё хуже. Но, по крайней мере, они пока не тронули Марка. По плану я должен был взять Марка сам и скрыться с ним. Такой план мы с Олей обсуждали не раз. Любой из нас, кто останется в похожей ситуации, должен был так поступить. Мы всегда думали, что это будет Оля, а не я. Но я не могу бежать. Сейчас я не могу её оставить. На меня ещё не вышли с требованиями, и я даже не знаю, у кого Оля. Я не могу её бросить. Я её единственная надежда, кроме меня никто не станет её искать и не вытащит.

У нас были самые гармоничные отношения, какие только возможны, потому что мы оба получили второй шанс. Сколько раз нужно разбить сердце, чтобы начать ценить то, что имеем, пока не найдём баланс?

В первый раз любовь нашла нас, когда мы были подростками, идеализировали себя и друг друга. Мне тогда казалось, что у наших отношений сказочное будущее, как у принцессы и нищего. Но сложная реальность не позволила нам быть вместе, развела нас, как в море корабли, разбила мечты. Мы прошли множество испытаний в одиночестве.

Потом у нас наступила стадия побега от первой любви. Оля съехала от отца, ушла в учёбу, уехала за границу. А я завяз в криминале, пытался забыться в объятиях других, хотя всегда выбирал женщин, похожих на Олю. Я был эгоистом, пользовался чувствами других, но ничего не отдавал сам, потому что для меня это всё было временным.

И только когда я, казалось бы, отчаялся полюбить, у нас с Олей появился второй шанс. Рядом с ней моё сердце обрело тихую гавань. Мы с ней всегда знаем, где наша идеальная точка баланса. Мы можем быть честными друг с другом. Мы знаем, что такое настоящие человеческие отношения. Говорят, что люди не меняются, и, наверное, это так и есть, но мы с Олей изменились друг для друга, претерпели серьёзные трансформации личности ради наших самых крепких и искренних отношений.

Мы стали лучшей версией себя, чтобы быть лучшими друг для друга, потому что мы счастливы и полностью принимаем себя.

Наше счастье не может закончиться сейчас.

Глава 5

Я много думала о том, что управление своей жизнью – это лишь иллюзия. Мне казалось, что я строю свою собственную жизнь, далёкую от грехов отца. Но оказалось, что в результате я построила музей, в который приходила любоваться хрупкими экспонатами, показывала их другим, тешила самолюбие. Вот посмотрите, какая я молодец, строю свою жизнь, я не такая.

Но музей – не дом, здесь нельзя жить, интересными и редкими вещами нельзя пользоваться, их даже трогать нельзя. Они не вписываются в интерьер, их польза сомнительна. Такая фрустрация рано или поздно привела к конфликту, который вскрылся, когда отец умер. Это очень больно и драматично, но конфликт запустила смерть матери, а закончила смерть отца.

Тогда я отказалась от пассивности и внутренних запретов и начала жить, действуя в согласии со своим родом, со своей кровью. Немногие из нас могут возобновить связь со своими глубинными желаниями и прочертить заново свой жизненный путь, ведь курс взят на индивидуальность: если вам не нравится – не терпите, если отношения для вас кажутся токсичными – разрывайте. Не работайте над собой, над отношениями, не пытайтесь разобраться, забудьте о компромиссах, ваши желания – единственное, что имеет значение, вас

должны принимать такими. Я не говорю о насилии, с которым невозможно мириться, я говорю лишь о принятии себя, своего происхождения, людей, которые мне подходят. Они не идеальные, как и я сама, но они идеальные для меня, для наших отношений.

Основоположник экзистенциализма Мартин Хайдеггер говорил, что личность человека определяется окружающими людьми и внешними обстоятельствами: «он заброшен в них и не имеет возможности менять все и вся по собственному желанию». А если и меняет, то всё равно оставляет себе ключи, чтобы вернуться к ним.

Многие так и остаются в конформистском состоянии «нерешительного существования», то есть никогда не задумываются о том, кто строит их судьбу, для чего они пришли в этот мир, они не стремятся ничего изменить, даже когда их жизнь им совсем не нравится. Они живут по правилам внешнего мира, ненавидят его и себя, но ничего не делают, купаются в чувстве собственной ничтожности и уходящего времени. Я тоже была такой. И единственным выходом для себя я видела заботу о собственном ограниченном мире. Но чтобы реализовать свои возможности, в первую очередь нужно принять свою природу, осознать себя.

Я прошла долгий путь от принятия вызова смерти до решения начать жить так, как сама для себя посчитала правильным. Я перестала зависеть и жаловаться. Но в итоге всё равно вернулась к тому, откуда всё началось – в семейный

бизнес, в дела отца, которые закончила почти ценой собственной жизни. Но я поставила там точку, приняла себя и поняла, что могу вернуться. Не хочу, но могу. Это моя природа. И принятие этого делает мою жизнь легче, а ежедневные радости приятнее.

Я ничего не изменила, ничего не бросила, не начала с нуля, не разорвала отношения. Наоборот, я вернулась в отцовский дом, взяла его наследство, вернула любимого человека из того прошлого и продолжила жить дальше. И этот багаж больше не чемодан без ручки, я упаковала его в новый и разделила ношу. Я осталась со своей семьей, со своим наследством, в своей профессии, но уже по собственному выбору, проделав большую духовную работу. Свою ли жизнь я живу? Для этого я пришла в этот мир? И теперь я совершенно точно могу ответить: «Да».

А ещё я приняла смерть. Я понимаю, что жизнь конечна. Я стала разделять философию экзистенциализма. Я забочусь о собственном мире. Я реализую свои возможности, пусть даже эти возможности не во всем зависят от меня и когда-то просто закончатся, а я этого даже не пойму. И это моя жизнь.

Но сейчас я совершенно чётко осознавала, что всё заканчивается, но я ещё жива, я всё понимаю. Это как анестезия, которая подействовала лишь частично, отключая голос и двигательные реакции, но оставляя полное ощущение боли от острого режущего скальпеля. Я всё понимаю, но не могу ничего сделать. И это чувство беспомощности гораздо хуже,

чем всё, что было со мной раньше.

День прошёл, как мы с Дэном и договаривались. Я сделала всё по плану, оставила планы надолго вперёд, улыбнулась Дагу на прощание. Хотя мне кажется, что он гораздо пронзительнее, чем кажется, и что-то подозревает. По крайней мере, он всегда очень точно чувствует моё настроение и подстраивается. И поехала.

Дэн не станет поднимать кипиш без причины. Со стороны кажется, что он действует ситуативно, но он подмечает мельчайшие детали, которые складываются для него в целую картину, и он проводит тонкий расчёт так, что никому это не видно и не понятно. Но он никогда ничего не делает случайно, он уже проанализировал ситуацию, возможно, молниеносно, а если он думал об этом всю ночь, то точно знает, что делает. Ему нужно верить. И я всецело ему доверяю. Он был прав в том, что нам нужно бежать, но это делать нужно было ещё утром, поэтому он был так напряжён. А теперь поздно. Слишком поздно.

Я еду медленно по знакомой дороге, вдалеке мне навстречу двигается другая машина, которая, почти поравнявшись со мной, резко разворачивается, перегораживая неширокую двухполосную дорогу. Я не успеваю среагировать. Нужно съезжать на обочину и жать на газ, объезжая, но я вместо этого судорожно бью по тормозам.

Я даже не зажмурилась, наоборот, я смотрю широко распахнутыми глазами, как из машины выходит мужчина. Он в

обычной одежде – джинсы и футболка, ничем не примечательной внешности, просто парень лет тридцати. Он подходит к моей машине и стучит в окно, одними губами говоря: «Открывай». Двери заблокированы изнутри, и окна подняты. У него даже оружия в руках нет. У меня, кстати, тоже.

На Кипре никто не вооружён, им не нужен закон о гражданском оружии. У них очень низкий уровень преступности, почти нет шансов, что вас ограбят ночью на улице. Но этот парень – угроза. Если я не открою сама, то они всё равно вскроют машину, я это уже видела в действии. Он просто поворачивается в сторону своей машины и кивает. Я нервно хватаю телефон, но сигнала нет, звонки не проходят, сообщения не отправляются, даже экстренные. Они одновременно глушат сеть. Мои руки нервно трясутся, почти незаметно, и потеют. Я бледнею, вся кровь разом отливает от лица и бешено стучит в груди. И через пару долгих минут замки щёлкают, а он мягко и даже как-то лениво открывает дверь с моей стороны.

– Выйдешь сама?

Это вроде бы вопрос, но риторический. Он задаёт его на чистом русском, но это как раз неудивительно, Лимасол – самый русский город, русская речь здесь звучит даже чаще кипрской, но от этого мне очень страшно. Криминал везде одинаково опасный, но он вдвойне страшнее, когда знаешь о нём не понаслышке. И потом, со мной должны говорить именно так.

У меня нет выбора. В противном случае он применит силу и выволочит меня сам. Иногда мне очень обидно, что я женщина. Нужно было родиться мужчиной, тем более с моим отцом сыну было бы гораздо проще. Мне нечем его удивить. Даже если применю приёмы ближнего боя, то он, скорее всего, в лучшей форме, чем я, да я никогда и не была гением рукопашки, так только, отрабатывала нормативы.

Поэтому я вылезла из машины, он немного отступил. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что мне надо лезть в фургон, который для меня услужливо открыли. У меня нет оружия, нет сил, бесполезно кричать на пустой дороге, и ждать помощи тоже. Здесь мало кто ездит, место тихое и уединённое, дома стоят вдоль берега, и их не видно с дороги, камер нет. Телефон он почти сразу вытащил из моих дрожащих рук, и я тоже не стала сопротивляться. Средство связи мне точно не оставят.

Меня уже похищали, держали в запертой комнате, пытались изнасиловать и убить. И всё могло кончиться очень плохо. Но у меня появился второй шанс. Я каждый раз была за это благодарна, но, видимо, рок так не работает. У него есть срок действия. И если мне суждено умереть от рук похитителей, то так и будет.

Если бы они хотели меня просто убить, то уже пристрелили бы. Но я нужна им живой. Пока. Наверняка, они будут запугивать и шантажировать Дэна. Я только надеюсь, что он уже знает, что нужно делать, и вытащит меня, пока не стало

слишком поздно. Но моя жизнь конечна, и его тоже. Я это приняла вместе со вторым шансом. Я так и не научилась молиться, но я теперь умею принимать ситуацию.

Многие сейчас подумают, что нужно бороться до последнего, бежать, даже в клетке драться. Я боролась, и поэтому я знаю, когда лучше смириться. Если я сейчас побегу или начну сопротивляться, то дам им повод применить силу, чем только развеселю и раззадорю. Люди, совершающие насилие, пришедшие похитить, готовы к этому, ждут реакции. А я знаю, как бьют мужчины – сильно, с отяжкой, чтобы остальной мир померк, и остались только боль и унижение.

Поэтому я молча пошла в машину, сядя на скамейку в фургоне. За закрывающейся дверью я видела, как мою машину заводит другой мужик. Её тоже уберут с дороги, чтобы не оставлять следов. Парень достал шприц и примерился, но теперь я подняла руку в останавливающем жесте.

– Только не в шею.

В шею больно и неприятно, а мышцы есть и в других местах, чтобы не травмировать нежное место.

– Да это и ни к чему. Я не буду сопротивляться. Посижу тихо, как мышка.

Парень улыбнулся. Я знаю, что иногда бываю забавной.

– Мне сказали, что ты не будешь истерить, но сидеть тихо придётся долго, поэтому лучше тебе поспать.

– Кто сказал, что я не буду истерить?

Парень лишь усмехнулся. Привет из России, из моего

прошлого, только там знают, какая я. Надеюсь, что Дэн знает больше меня и будет сопротивляться.

Я протянула руку, в которую воткнулась тонкая игла. Не люблю уколы, поэтому сама всегда делаю их аккуратно, и надеюсь, что со мной поступят так же. Парень не зверствовал. Я откинула голову назад и скоро отключилась.

Глава 6

Двое суток тишины. Никаких вестей, сообщений, требований, угроз, просьб. Ничего. Двое суток без сна и покоя я поднимал свои связи и мониторил обстановку. Даже в полицию сообщил. Теперь только Интерпол не знает, что Оля пропала. А может, и знает.

Утром третьего дня после исчезновения Оли Икс-Холдинг назначили мне встречу через своего представителя. И я приехал в ресторан ровно в назначенный час. На такие встречи нельзя прибывать заранее, это признак высокой заинтересованности, который можно использовать как дополнительный рычаг давления. И опаздывать тоже нельзя, это акт пренебрежения, который вызовет лишние и ненужные обиды, что в моём мире обязательно припомнят и смоют кровью.

За столиком меня уже ждал мужчина. Он встал со своего места, чтобы пожать мне руку. Жест расположения, который не всегда означает дружелюбие.

Мужчина высоким, почти одного со мной роста, худощавым, с печатью многовекового благородства на лице, которую можно получить только по наследству. По внешнему виду он был похож на англичанина – светловолосый, долговязый, с бледной кожей, созданной в тумане и под дождливыми тучами, которой противопоставлено солнце. На его лице редела тонкая бородка, подстриженная по моде столетней давно-

сти, и серые, почти бесцветные глаза, в которых застыл многовековой лёд. Дорогой чёрный костюм, очевидно, подгоняли по фигуре. А заколку для серого шёлкового галстука с голубой жемчужиной, видимо, передавали из поколения в поколение. Его белая рубашка была тоже не просто белой, а с жемчужным отливом. Что за цирк для простого русского беспризорника?

– Прошу вас, господин Дитрих, – он указал мне на стул напротив.

Я расстегнул пуговицу пиджака и сел за стол.

– Чем обязан, мистер Винсон?

– Вы деловой человек, господин Дитрих. И меня радует ваш подход к бизнесу. Признаться, наша компания впечатлена вашими способностями в финансовой сфере. Мы слышаны о вашем бизнесе в России. Здесь на Кипре вы тоже более, чем преуспеваете. Мне особенно приглянулся ваш опыт и то, как вы ведёте дела. Я лично рекомендовал ваши услуги.

Надеюсь, для таких, как он, в аду существует отдельный котёл.

– Благодарю за оказанное доверие, но я не предлагал вашей компании свои услуги и не представляю, чем могу помочь крупному холдингу.

– О, вы ещё и скромный! Позвольте, я вам объясню? – И, не дожидаясь ответа, продолжил. – Мы в прошлом году начали заниматься производством стали. Несколько компаний нашего холдинга теперь находятся на вашей Родине. Бизнес

там имеет свои особенности, о которых вы отлично осведомлены. Нам нужен грамотный и опытный финансовый директор, который поможет максимально выгодно выводить доходы от производства.

И тут мне вспомнилась фраза, сказанная одним президентом футбольного клуба. Звучала она примерно так: «В чём разница – руководитель металлургического завода или футбольного клуба? Её нет! Собери правильный коллектив, найди людям работу, а тебя самого работа всегда найдёт». То есть вы понимаете? Президент футбольного клуба, который забивает целых три раза в год, учит, как управлять производством. Ну а что, разницы-то никакой!

Передо мной сидел один из таких представителей топ-менеджмента, которому деньги достались по наследству, и даже если бы он сам их нагрabил тяжёлым управленческим трудом, не суть важно, сейчас будет рассказывать мне, что такое успех и как к нему прийти обычному беспризорнику.

Вслух я сказал:

– У меня нет Родины. Как вы уже знаете, моя семья не вернулась на землю обетованную. Мы так и остались изгнанниками, чужими в Германии, скитальцами без Родины.

– Напротив, мистер Дитрих. Ваша Родина вполне однозначна, о чём я отлично знаю. Вы не имеете никаких близких корней в Израиле и тем более в Германии. Нет их и в России, но вы родом именно оттуда.

Попытка не пытка. Они знают, кто я. Но на другое я и не

надеялся. И я уже понял, чего они хотят от меня.

Иными словами, на моей Родине они столкнулись с чёрным налом и взятками, которые не могут отразить в финансовой отчётности так, чтобы безболезненно выводить активы. Западным компаниям именно поэтому сложно работать на российском рынке. Они никогда не объяснят родной налоговой, откуда деньги и по какой статье списать многочисленные взятки. Им нужен человек, который распишется за чёрный нал, и при этом им насрать, если ему на хвост присядут органы.

Ну то есть предложение из серии: «Требуется молодой человек от 20 до 35 с 10:30 до 18:00, в пятницу до 16:45, оплата 990 рэ + 100 рэ на проезд. Надо отмывать деньги, выражать заинтересованность, хлопать в ладоши на совещаниях и поддерживать экспертов. Требования: быть активным, ответственным, стрессоустойчивым, иметь связи в криминальной среде, отношения на «короткой ноге» с районным смотрящим приветствуются». И ведь дело не в том, что я далеко пойду, а в том, что уже, похоже, пришёл. Не знаю только, когда успел поучаствовать в конкурсе соискателей. Не иначе, как меня по благу предложили.

Им нужен козёл отпущения, который, с одной стороны, поможет им, а с другой, может позаботиться о себе сам. Бывший криминальный авторитет с белым бизнесом в настоящем для них хороший вариант. Тем более авторитет, который сумел наладить бизнес за границей и не потерял навыки

отмывания денег. Проблема была в том, что я нужен им, но они не нужны мне, поэтому похищение Ольги – это их страховка от моего отказа.

– Думаю, вы уже всё решили и не примете отказа. Только не знаю, почему вы выбрали именно меня, ведь в России осталось достаточно людей, подходящих под ваши высокие требования, которые добровольно согласятся и даже будут рады работать на вас.

Он усмехнулся.

– О! Найти толковые кадры особенно в нашем бизнесе не так уж просто. И поверьте, мы рассмотрели другие кандидатуры прежде, чем остановиться на вашей. Я уверен, что вы не откажетесь, господин Дитрих.

– Не хочу вас разочаровывать, мистер Винсон. Вы оказываете мне огромное доверие. Но я всё же хотел бы знать, где моя жена.

– Ищите там, где розовый песок почти порох, где серебряные шпили средневекового города одинаково отражают и дневной, и лунный свет, в стране, где янтарь ценится дороже бриллиантов.

Пока он говорил, внутри меня всё переворачивалось, и мне стоило огромных усилий сдерживать свой порыв вытащить этого старикана из-за стола за грудки дорогого костюма и воткнуть ему в глаз заколку с голубой жемчужиной. Заодно посмотреть, как алая кровь брызнет и растечётся по рубашке цвета слоновой кости.

– И всё же, мистер Винсон.

– О, не беспокойтесь о ней. Она в полной безопасности, – он положил на стол две фотографии.

На одной из них Оля заходила в супермаркет. На ней была лёгкая юбка и пиджак, на глазах – тёмные очки. Волосы и причёска такие, какими я их помню в последнее утро. На другой фотографии она выходит из того же супермаркета с пакетами. Выходит так, как будто просто вышла из дома за продуктами, расслабленной походкой в простой одежде. Её снимали скрыто, чтобы она не заметила – со стороны, она не смотрит в камеру и просто двигается как обычно, идёт по своим делам. Это сеть супермаркетов, которые есть по всей Европе. Она может быть где угодно, в любом европейском городе. Что всё это, блять, значит?

– Я бы хотел с ней поговорить.

– Боюсь, что это невозможно.

– Если я буду настаивать?

– Это не приведёт к конструктивным результатам. Вы можете видеть, что Ольга жива и чувствует себя превосходно. Если вы будете настаивать или выдвигать свои условия, то Ольга может оказаться в сыром подвале, прикованной наручниками, а вы получите не фотографии, а целое хоум-видео. Какой вид порнографии вы предпочитаете, господин Дитрих? Оральный секс, анальный секс, двойная пенетрация, групповой секс?

– Ничего из этого.

Он мог этого не говорить, но ему доставляло удовольствие произносить такие слова и наблюдать за реакцией. У человека, которому доверили меня уговорить, жестокость должна быть вторым именем.

Моя ярость уже улеглась, и сейчас я был именно тем хладнокровным и расчётливым монстром, каким уезжал из России. Внешне я был холоден и спокоен, но при любом удобном случае я лично достану самый острый нож из моих прежних запасов и с удовольствием порежу этого ублюдка на тонкие кусочки, поджарю и скормлю его потомкам, если они у него есть. Жажда мести удержит меня от поспешных и горячих поступков сейчас, но уничтожит моих врагов потом, когда придёт время. А время придёт, независимо от результата.

Они не отдадут мне Ольгу просто так, но и уничтожать её без причины они тоже не намерены, поэтому она живёт обычной жизнью и ходит в магазин за покупками. Её тоже могли запугать и заставить оставить нас с Марком, пока я не выполню условия. Я должен сделать для них всё, что они хотят.

– Давайте обсудим детали, мистер Винсон.

Глава 7

Я держала на руках сына, поглаживая нежную кожу, вдыхая детский запах. Рядом был мужчина, высокий, крепкий, как скала. Он убрал за ухо выбившийся локон и поцеловал меня в висок, обещая жаркое продолжение наедине вечером. Сердце щемило от того, что этому не суждено сбыться. А потом он поцеловал сына. В окно светило яркое тёплое солнце. Я смотрела через открытые ставни на буйство зелени, а перед глазами всё меркло. Я медленно, но верно погружалась в зыбкую тину бессознательного, не в силах отличить сон от реальности.

Громкий противный сигнал прерывал моё видение и вытаскивал меня из сна.

Глаза сами собой открылись, и я смотрела на белый потолок с тусклой полоской света. Я села на кровати. Голова раскалывалась, сильная боль молоточками забивала гвозди в каждый нерв. Я потёрла глаза руками, пытаюсь отогнать наваждение. Адский пищущий сигнал исходил из телефона. Противный будильник надрывался, как будто из последних сил. Но звуки будильника ведь именно такими и должны быть. Будить, заставлять подниматься, жать отбой неверной рукой.

Вы когда-нибудь просыпались с чувством, что сон реальнее действительности? Даже не так. Сон и есть реальность.

Тот ребёнок – мой сын, самый настоящий, а мужчина – очень близкий человек, которого я отлично знаю и понимаю. И то солнце светит в месте, где я живу, в моём доме. Но тогда почему я сижу на узкой односпальной кровати в маленькой комнате? Окна зашторены, но тот свет, что пробивается и оставляет полосу на потолке, совсем не то солнце.

Говорят, небо везде одинаковое, мол, поднимите голову, посмотрите на голубую даль и белые облака, и вы всегда почувствуете себя дома. Так вот, я не чувствую себя дома. Здесь солнце чужое, и небо тоже, и особенно облака. Почему я так думаю? Откуда эти мысли?

Дверь в комнату закрыта, но за ней слышались характерные звуки – треск жареной еды, звон посуды, утреннее радио играет весёлую музыку. Слишком обыденно. Я с трудом встала и пошла на запах жареного бекона. Сразу за дверью за поворотом в узком коридоре я нашла кухню. Девушка, тихо подпевая радио, выкладывала яичницу на тарелки.

– Доброе утро. Ты помнишь, кстати, что сегодня твоя очередь готовить завтрак? Но тебе адски повезло, что я проснулась раньше и не стала тебя будить. Так что голодными мы сегодня не останемся.

Я смотрела на девушку и не помнила её. Какой-то странный голос в голове что-то пытался мне сказать. И этот голос был мужским. Что он делает в моей голове?

– Хела? Ты странно выглядишь, – девушка подошла ко мне, чтобы коснуться моего лба. – Температуры у тебя нет.

Не выпалась, что ли? – Потом она рассмеялась. – Ты так смотришь на меня, как будто видишь в первый раз. Эй, я же твоя подруга – Елена. Ты вчера перебрала, конечно, но не до такой же степени!

У меня и правда было такое впечатление, что я вижу её в первый раз. И если бы она не назвала своё имя, то я бы его и не вспомнила. Наверное. И почему Елена? Просто Лена для неё слишком примитивно? А меня саму и правда зовут Хела? Мои родители, похоже, знатные шутники. Я наконец села на табурет.

– Мне снился странный сон.

– Кошмар?

– Нет, скорее наоборот. Там был ребёнок, и мужчина, и дом, и тёплое место. И все мои.

Елена опять расхохоталась, похоже, это её обычная реакция на любое заявление.

– Ну, ты всегда хотела простых радостей жизни – мужика, семью, ребёнка. Вот они тебе и снятся.

– Мне до сих пор кажется, что они настоящие.

– Ты вчера перебрала, поэтому неудивительно, что тебе до сих пор кажется. Аспирин в верхнем ящике, сама достань. И ешь давай быстрее, а то опоздаем.

– Куда?

– На работу, – она опять смеялась.

И вот тут очередной провал. Кто я? Кем работаю? Я не знаю ответов на эти вопросы. У меня на лбу выступила испа-

рина от умственных усилий. Сколько нужно перебрать, чтобы не помнить о профессии? И потом, для таких провалов в памяти недостаточно одного пьяного вечера, нужно планомерно годами разрушать нейроны головного мозга психотропными веществами. Я что, алкоголичка или наркоманка?

Я достала из верхнего ящика аспириин. Почему надпись на упаковке на немецком? Почему я вообще об этом думаю? Я вдруг поняла, что не знаю, на каком языке думаю. Приехали, тормозите, я выхожу. Алкоголичка, наркоманка, психопатка? Или просто дура? Аспирин не улучшит мои мыслительные процессы, но снимет головную боль. Я заела таблетку заботливо приготовленной яичницей и выпила кофе. Елена уже убежала собираться и в очередной раз поржала надо мной.

Подруга перебрала прошлым вечером и проспала завтрак – хихиканье. Подруга не помнит собственное имя – смех. Подруге снится сон о семье – хохот. Подруга забыла о работе – гомерический хохот.

А мне было совсем не смешно.

Я не понимала, кто я, где я, сколько времени у меня на сборы на работу, про которую я тоже ничего не знала. В ванной я не помнила, которая зубная щётка моя, и никто не додумался прилепить для меня стикер с именем Хела. Как люди вообще со мной живут? Я опять удивилась, как странно звучит это имя. Моё имя. Как будто оно похоже на то, как бы я хотела, чтобы меня называли, но не совсем так.

Я залезла в душ, но решила не мыть голову, потому что мне вряд ли хватит времени просушить волосы. И я не знала, какое полотенце моё или халат. Надо завязывать с алкоголем или что я там употребляю.

С одеждой в шкафу было проще. С одной стороны висели три почти одинаковых чёрных костюма и белые рубашки. Я скривилась. Ненавижу чёрный цвет, а на моей работе, похоже, строгий дресс-код. Кем я работаю? Передо мной вдруг мелькнуло видение – совсем другая униформа, больничные халаты, шапочки и перчатки. Но образ рассеялся так же стремительно, как и появился, а на лбу опять выступила испарина. Почему я вдруг подумала о больнице? Лежала там недавно? Лечилась, не долечилась? Но чем больше я пыталась разобраться в своих странных мыслях, тем сильнее болела голова, и даже аспирин не помогал.

В итоге я натянула рубашку и чёрный брючный костюм. Одежда сидела как влитая, но у меня стандартный размер, и я легко могу одеваться в масс-маркете даже без примерки. Я причесала волосы, и мне они показались основательно выгоревшими на солнце, не как после двухнедельного отдыха, а как будто я постоянно жила на солнце. На теле тоже был ровный золотистый загар. Не думаю, что с моей белой кожей можно загореть до состояния шоколадки. Но если постоянно жить под южными лучами, то цвет кожи будет именно таким. Под солнцем из моего сна. Чёрт!

Дверь распахнулась:

– Хела, поторопись уже, нет времени наводить марафет!

Я в очередной раз потёрла глаза и потащилась за опять хохочущей Еленой.

– Ты телефон забыла, подруга! – Елена заботливо протягивала мне сумку с обычным женским набором барахла, куда я закинула телефон. И мы наконец вышли из квартиры.

Узкая лестница вела вниз с третьего этажа. На улице светило солнце, обычное, не жаркое. Я не сразу поняла, в какой мы стране. Но подумать об этом было некогда, потому что мы едва успели на автобус.

– Хела, сегодня твоя очередь идти за продуктами. Список у тебя в телефоне. Только не забудь, пожалуйста. – она опять рассмеялась. – Ты приняла аспирин?

– Да, – я наклонилась к ней поближе, чтобы прошептать на ухо, а то половина пассажиров и так уже к нам прислушивалась. – Что я вчера такого приняла?

Елена опять весело захохотала.

– Да ничего такого, штук пять коктейлей. И всё!

Блять! Тогда почему я чувствую себя так, как будто вчера ширялась не по-детски?

– Хела, это твоя остановка. На случай, если ты не помнишь, где работаешь, то иди по направлению к той вывеске – «Картье», – она опять заржала, а меня это порядком стало раздражать. Как я живу с ней, и ещё не прибила её за постоянный ржач на пустом месте? Смех без причины – признак дурачины. Вслух я ничего не сказала.

Вылезла из автобуса, огляделась по сторонам. Обычная улица, магазины располагаются стройными рядами. Обычные люди в деловой одежде спешат по делам. Я зашла в магазин Картье и не помнила, что я тут должна делать. Вряд ли мне по карману здешний ассортимент.

Женщина за стойкой средних лет с аккуратной причёской в безупречном чёрном костюме подняла голову:

– Доброе утро, Хела. У тебя пять минут до инвентаризации. Поторопись, пожалуйста.

Я стояла как вкопанная, пока не увидела открытую дверь. Надо приходить в себя, а то люди скоро начнут догадываться, что со мной что-то не так. Я прошла во внутренние помещения, нашла шкафчики, на одном из них заботливо было наклеено моё имя. Ну, хотя бы тут не ошибусь, как с полотенцем и зубной щёткой. Я сложила сумку внутрь, перевела телефон на беззвучный режим, сложила его в карман пиджака и вышла в зал. В пять минут я уложилась.

Инвентаризация заключалась в опустошении сейфа с драгоценностями, переклеивании ценников и перемещении драгоценностей на витрины. Очень похоже на анекдот с клизмой. Один знает – как, другой знает – куда. Через полчаса инвентаризация была закончена, а я чётко понимала, что это всё не моё. Кризис среднего возраста у меня, что ли?

Глава 8

Я ехал, стараясь не превышать скорость, хотя ужасно бесился из-за ограничений и правостороннего движения, потому что, когда я был в ярости, то сознание переключалось на автоматический режим, где я без тормозов и разметки.

Я резко затормозил у ворот, вылез, даже не закрывая машину, и пошёл к ограде. Я не хотел звонить и входить, предупреждая о своём визите, поэтому перелез через ограждение. Если здесь есть камеры и постоянное наблюдение, то внутри уже знают о моём появлении, заодно и проверю, какая тут охрана. Это глупо и опрометчиво, потому что я без оружия, одна надежда на режим берсеркера. Я обошёл дом и вошёл через заднюю дверь – тут не принято запираеть двери, кроме ворот.

Никто меня не встретил. Я прислушался. В гостиной работал телевизор, кажется, шёл футбольный матч. Я, тихо ступая, двинулся на звук. Он сидел на диване, закинув ноги на журнальный столик, и было похоже, что он совсем не осведомлён о моём визите. Тем лучше для меня и хуже для него.

Я подошёл к нему со спины незамеченным и сделал захват сзади, резко перекрывая кислород. Он захрипел и схватил меня за руку, пытаясь оттолкнуть. Жест любителя, но не профессионала. Я придушил его ещё немного и резко отпустил. Он сполз с дивана, хватаясь за шею и пытаясь судорож-

но впустить побольше кислорода в лёгкие. А я встал перед ним.

– Где держат Олю?

– Чего? Дэн, ты сдурел?

– Ты прокололся, Даг.

– Я тебя не понимаю, Дэн.

– Ты рассказывал нам про книгу. Про розовый песок, серебряные шпиды и янтарь. Припоминаешь?

– Нет.

Я схватил его за шкуру и потащил на кухню. Он пытался вырваться, но я уже понял, что против бывшего чемпиона ММА он не боец. Я отпустил его на пол на кухне и начал рыться в ящиках в поисках нужного предмета.

– Так где Оля? Где мне найти розовый песок, серебряные шпиды и янтарь? А, Даг?

Наконец я нашёл подходящий предмет – молоток для отбивания мяса, и взвесил его в руке. Даг начал отползать, в его глазах был чистый ужас.

– Правая рука или левая, Даг? Какой ты колешь анестезию?

Он отчаянно мотал головой, а в моих глазах он видел холод и ярость, и это приводило его в ужас. Я схватил его за левую руку и положил ладонью на стол.

– Подожди! Подожди! – Он уже плакал и орал. – Я вспомнил! Подожди!

Я отпустил его руку, и он на коленях пополз в комнату.

Я шёл за ним, не выпуская молоток. Он дополз до кабинета, вытряс корзину для бумаг, роясь среди вороха выброшенных листовок. Каких только глупостей люди не делают в стрессе. Я почти закатил глаза.

– Вот! Смотри! – Он протягивал мне листовку.

Я взял её, скептически глядя на цветную рекламу, где крупными буквами красовались пять строчек стихотворения:

*Там, где розовый песок моют на берегу реки,
Чтобы создать из него порох. Там, где серебряные иголки
Одинаково отражают солнечный и лунный свет.
Там, где янтарь стоит дороже самого чистого бриллианта.*

Реклама поэта, который пишет фанфики по мотивам фантазийных «Хроник Амбера». У него на прошлой неделе был поэтический вечер в Пафосе. Очень символично. Я фыркнул.

– Даг, что ты мне подсунул?

– Подсознание – странная вещь, Дэн. Разве ты не понимаешь?

– Нет, но попробуй объяснить мне, – я поднял бровь в немом вопросе. Моё терпение было на исходе, а он очень похоже заговаривал мне зубы.

– Я был пьян в дым, рассуждал о писательстве, мне пришли на ум эти строчки, и я их связал. Я это не придумал, только вспомнил. И сейчас, когда ты спросил первый раз, у

меня ничего не ёкнуло, пока ты не применил силу. И тогда моё подсознание под воздействием сильного стресса нашло забытую рекламу, которую я случайно прочитал.

Я прищурился, обдумывая его слова. Сомнительно, поэтому я поднажал. Схватил его за правую руку и положил на стол, замахиваясь для удара. Он заплакал, как ребёнок, выкрикивая:

– Не делай этого! Пожалуйста! Я сказал правду! Пожалуйста!

Я отпустил.

– И ты не знаешь, где Оля?

Он хныкал, боязливо глядя на меня.

– А что с Хельгой? Она пропала?

– Её похитили.

– Боже, Дэн, я не знал.

Я внимательно смотрел на него и считывал реакции. Он и правда был сильно напуган, не подготовлен, не ожидал моего визита и вообще не похож на человека, который мог сначала подставить, а потом так глупо проколоться. Он не дурак. Тем более если он в деле против меня, то должен был знать, что я опасен и могу применить силу. А потому он не сидел бы дома, глядя в телевизор и подставляя золотые руки реаниматолога.

– Извини, Даг.

– Ты меня напугал, Дэн. Где ты этому научился? Армия? Ты служил в спецслужбе?

– Можно и так сказать. Извини ещё раз, я пойду.

– Дэн, если тебе нужна моя помощь, то я готов. Вы с Хельгой стали мне близкими друзьями, – я никогда не пойму и не приму, что посторонний человек мог искренне помогать.

– Спасибо, Даг.

Я пошёл к машине и некоторое время сидел, тупо глядя на листовку. Какое отношение поэт мог иметь к исчезновению моей жены? И почему мистер Винсон, серьёзный человек, его цитировал?

Я несколько раз яростно ударил руками о руль и заорал что было сил. Легче не стало, но я опять начал думать. Вместо рациональных решений в голову лезла экзистенциальная чушь.

В своей жизни я о многом сожалел. Но по-другому было нельзя. Я или должен был стать зверем, или должен был погибнуть. Но последние пять лет жизни с любимой Олей я ни о чём не сожалел. Я наконец освободился от негативных мыслей, позволил себе воплотить в жизнь самые смелые мечты и начал наслаждаться жизнью в полную меру. Я один несу ответственность за свою судьбу.

Больше тридцати лет я готовил почву, чтобы начать жить – получал опыт, тренировал тело и дух, зарабатывал деньги, экономил время, чтобы стать тем надёжным человеком, которому Оля будет доверять. И не справился с ролью её защитника. Будь я прежним, я был бы готов ко всему, что сейчас с нами происходит. Но такой я не готов. Я опоздал.

Время не щадит никого. Оно неумолимо и движется вперёд, несмотря на то, что мы не готовы к будущему. Я боялся, что уже слишком поздно, уже никогда не будет прежних мечтаний, наивности, спокойствия. Но я должен действовать, преодолевая неуверенность в своих силах, тревогу и чувство вины. Я должен продолжать ради Оли и нашего сына. Она отдала мне всю себя и даже создала нашу частичку.

Наша жизнь не вечна, а потому нельзя останавливаться, нельзя откладывать важные решения и ответственные действия. Нужно только пересилить себя в этот момент слабости и сделать первый шаг.

Где-то я прочитал, что все мы живём нашими прошлыми образами, но они, как искажённое зеркало, не отражают действительности. Большинство людей ведёт праведную жизнь в социуме, соблюдая правила и законы, привыкнув подчиняться. Но не я. Я нарушал закон бесчисленное количество раз. Я мог позволить себе быть самим собой, зверем в каменных джунглях, жестоким и неумолимым. Я могу пойти против любой системы. И я знаю, с чего начать.

Я не раз принимал вызов смерти и действовал так, как будто живу последний раз. Я стал другим, потому что мне было что терять, потому что я больше не хотел ничего менять. Но у меня отобрали мою тихую гавань, и теперь я опять могу стоять на краю и бросать в пропасть других. Готовы ли они ко мне такому, когда просят меня вспомнить прежний опыт и восстановить былые навыки? Мне опять нечего те-

рять. И я снова ничего не боюсь.

Через два дня я должен полететь в Москву. И я должен быть готов. Я пребывал в отчаянии не больше десяти минут. С Олей пока всё в порядке, ей не причинят зла. Мне предложили работу в крупной иностранной компании за большие деньги. Другой на моём месте прыгал бы от радости. Но не я. Меня накрывала злость, ярость и жажда мести.

Оля как-то спросила меня, почему я не пошёл в легальный бизнес. Я ведь и правда мог выбрать другую жизнь. Я ей ответил, что тогда не смог бы ей помочь. Она всё правильно поняла о причинно-следственных связях. А сейчас уже не разберёшь, чьи грехи нас догнали: её отца, или мои, или наши общие. Я уже не знаю, что стало спусковым крючком, но теперь мы опять разгребаем последствия. Но я ни о чём не жалею. Ради любимого человека и нашего будущего я пойду до конца. Я завёл машину и поехал завершать дела здесь ради Оли и нашего сына.

Глава 9

После работы я добиралась домой почти на автомате, вот только «почти» не считается. Несмотря на то, что я была погружена в странные мысли о моём прошлом, в котором были явные пробелы, я то и дело отвлекалась и вспоминала, в правильном ли направлении я двигаюсь.

Вы когда-нибудь сомневались в своём прошлом? Ну, то есть нормальные люди же обычно знают о своём происхождении, кто их родители, где они родились, где провели детство, где учились и далее по списку. Но чем больше я пыталась вспомнить об этом, тем всё более странно себя чувствовала. У меня были обрывочные воспоминания о школе и об учёбе дальше, но как будто это было далеко не всё. Как айсберг в океане.

Я хорошо помнила своего отца, его лицо, голос, улыбку, руки, которые меня обнимали. Я помнила, что он умер. Но я не помнила, чем он занимался, где мы жили, что с ним случилось. Я перебирала варианты: старость, инфаркт, инсульт, долгая болезнь, несчастный случай. И не находила правильного ответа.

А мама? С ней было ещё хуже. Я помнила, что она умерла давно, я ещё была ребёнком. Но когда? От чего? Как? И почему мне до сих пор больно?

В супермаркете рядом с домом я брала продукты по списку

ку, даже не задумываясь, потому что мне опять казалось, что это не мой список, да и не ем я всё это. А что я люблю? Тут я точно знаю, что еда для меня не удовольствие, я ем, чтобы жить. У меня нет пристрастия к сладкому, или солёному, или жирному. Ну, хотя бы с этим я разобралась.

Выходя из магазина, я заметила мужчину в тёмных очках, фотографирующего вывеску супермаркета. И я подумала, что наверняка попала в кадр. Но зачем кому-то снимать супермаркет, их ведь полно по всей Европе? Турист, наверное. Тут рядом есть готическая церковь с посеребрёнными шпилями, которые кое-как блестят в хорошую погоду. Находка для путешественника. Может, он хотел её сфотографировать, а в кадре теперь магазин и я в домашней одежде. Не повезло ему.

Готовить – это не моё. Вот что поняла, когда поставила пакеты из супермаркета на стол. Я не просто не люблю готовить, я считаю это занятие бесполезным, отнимающим слишком много времени, которое можно потратить на более важные дела. Какие? И тут у меня есть вполне чёткий ответ – на спасение жизней. Откуда эта мысль? Ведь я же не шпионка, в конце-то концов. Я менеджер в ювелирном магазине. Я не спасаю жизни, я заставляю людей тратить баснословные суммы на сомнительные вещи из драгметаллов.

Пока меня посещали очередные странные мысли, вернулась Елена. Она опять была бодра и весела, чего не скажешь обо мне. Мыслительный процесс, оказывается, сильно изма-

тывает. На меня навалилась вселенская усталость, как будто я вагоны разгружала неделю, не меньше. Мне хотелось приступить прямо сейчас, а лучше прилечь, и чтобы кто-нибудь прикрыл крышку гроба.

– Сходила-таки в магазин. Молодец!

И тут её конкретно понесло. Она в запой и без остановки рассказывала мне, как провела день, что нового на работе, какая сегодня погода, соседи съехали, и мы тут почти одни, и закончила местными и мировыми новостями. У меня опять начала болеть голова, она как будто распухала от лишней и ненужной информации. А ещё я поняла, что хочу съехать от надоедливой соседки и как можно быстрее.

– Пойдём сегодня в бар?

– Я ещё от вчерашнего посещения не отошла.

– Вчера был четверг – маленькая пятница, а сегодня пятница настоящая! У тебя будет целых два дня на восстановление.

Честно говоря, я просто не знала, чем мне заняться вечером. Не сидеть же в маленькой квартирке в одиночестве, пока подруга будет развлекаться.

– Ладно.

Её смех в этот раз был с повизгиванием. Если я поеду в дурку, то обязательно возьму её с собой, только попрошу, чтобы нас расселили по разным палатам, а то я её придушу в следующий сеанс гомерического хохота.

Я натянула джинсы и футболку, давая себе обещание, что

не буду напиваться. Судя по всему, у меня не было личной жизни, но при этом у меня стойкое ощущение, что обязательства у меня есть, и они прямо-таки железные, поэтому позволить себе даже безобидный флирт я не могу, да и не хочу. И вот это ощущение вернее всего – я не хочу мужика, не ищу его. Я лесби, фригидная или феминистка? Покопавшись в своих ощущениях, я поняла, что женщины меня не привлекают. А при мысли о мужчине у меня в памяти стабильно всплывает образ из сна. И я испытываю нормальные физиологические реакции на этот образ. Ну, он определённо идеальный, только существует ли?

Я не верю в пророческие сны, я его когда-то видела и запомнила, вот он и остался в моей памяти. Любовь с первого взгляда, не иначе. Когда пытаешься анализировать свою личность как бы со стороны, получается очень странное занятие, и возникает чувство, что я себя и не знаю вовсе.

Не прошло и пяти минут за стойкой, как ко мне подсел мужик. Я могу поклясться, что он снимал обручальное кольцо по пути ко мне, и теперь оно лежит в правом кармане джинсов.

– Привет, красотка! Неплохо было вчера, а?

Подкат так себе. Он не помнит моего имени, а может быть, и совсем не знает, а я его вообще не помню. Такие подкаты я могу сбить ещё на подлёте.

– О чём ты?

– О вчерашнем. Тебе что, не понравилось?

Я ничего не помню о вчерашнем, но я уверена, что у меня с ним ничего не было.

– И да, и нет, красавчик.

– Так понравилось или нет?

– Это не моя тайна...

– Да перестань! Давай серьёзно...

– А оно тебе надо?

– Ну, ты можешь ответить на простой вопрос?

– На простой могу, но не на этот.

– Ааа, я понял, ты так шутишь. Пойдём прогуляемся? Я вчера обещал тебя проводить.

– Я не склонна к прогулкам под луной.

– Мы же вчера договаривались?

– Ну, я человек слова, но не дела. Да и мне уже пора.

– Я, кажется, понимаю, о чём ты. Но, знаешь, люди ведь и раньше влюблялись.

– И не звони мне, красавчик.

– Надеюсь, ты передумаешь.

– И не надейся.

Я накинула куртку и потянулась к выходу, но когда я пропала из поля зрения этого женатика, то просто пересела в другое место и взяла выпить. Я пообещала себе не напиваться в хлам, но я могу немного расслабиться. У меня был очень странный день.

Я достала телефон, он автоматически разблокировался по моему фейс-айди, я и тут могла забыть, что делать, как будто

кто-то заранее позаботился и об этом тоже. И вдруг яркая вспышка воспоминаний. «Помнишь номера, который я просил тебя заучить?». Голос из моего прошлого, голос мужчины, низкий, бархатный, ласкающий слух. «Да» – я отвечала чётко и ясно, диктуя два номера подряд.

Картина померкла так же неожиданно, как и появилась. Я снова сидела в шумном баре, играла зажигательная музыка, люди вокруг разговаривали и смеялись. А у меня в сознании крутились номера.

Я набрала первый. После двух гудков меня перевели на голосовую почту – «Теперь вы можете оставить сообщение» сначала на каком-то китайском, потом на английском, немецком и наконец на языке, который я не сразу распознала. Поняла, что сказал женский голос, но осознала, что это русский только через несколько секунд, когда голос уже замолк. Я нажала на отбой, не оставив сообщения. Да и что я могу сказать? «Привет, меня зовут Хела, я вдруг вспомнила этот номер, но я не знаю, что сказать».

Я вбила номер в поисковик. Код Японии. Я помню номер телефона, по которому могу оставить сообщение, но не знаю, зачем мне это.

Просто отличное завершение дня.

Глава 10

Пять лет – большой срок, чтобы отвыкнуть и забыть. Так я думал, сидя в самолёте, но как только оказался в аэропорту среди родной речи, русских людей и хмурых таможенников в форме, то снова очутился в до боли знакомой обстановке, где знал, как действовать.

В самолёте бегло пробежался по новостям. Министр экономического развития уверен, что экономический кризис сегодня стал новой реальностью для страны. Экономический рост находится в стадии стабильного падения, но об этом нельзя говорить вслух. Бизнес попросил вписать «Яндекс» и «ВКонтакте» в налоговый маневр, им-то, понятно, сложнее всего в сложившейся ситуации. В процессе неконтролируемого падения всего граждане уходят в сеть. Вопросов по-прежнему больше, чем ответов, и среди них масса риторических, например: «Где мы свернули не туда?» и «А был ли поворот?».

Я снова ощущал твёрдую почву под ногами, выровнял ориентацию, настроил компас и крутил педали в нужном мне ритме. Я снова был сильным и уверенным. Они совершили большую ошибку, опять приведя меня в родную стихию, где я крепко стою на ногах.

Я был абсолютно уверен, что на моей земле я отмою их сраные деньги в их же крови и выгодно продам их головы. Я

– отморозок, выживший ребёнком на морозе, а с ресурсами я – хозяин этого мира, в котором у меня есть тайный подвал, где маньяки обычно совершают ужасные вещи. Я не получаю от этого удовольствия, но я умею мстить. Этот подвал спрятан глубоко в моём подсознании там, куда они не доберутся, пока я их не приглашу. И когда настанет этот момент, они не будут рады гостеприимству, но будет уже поздно отказываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.